

*И.Ж. Искаков***Проблемы и перспективы интеграции
евразийского пространства***I.Zh. Iskakov***Problems and Prospects of Eurasian Integration**

Рассматриваются точки зрения различных авторов на проблемы и перспективы формирования единого политического и экономического евразийского пространства. Особо подчеркивается роль России и Казахстана. Выделены проблемы и перспективы формирования Таможенного союза как прикладной формы интеграции государств Евразии. Приведены примеры оценок евразийских сообществ исследователями и практическими деятелями.

Ключевые слова: формирование евразийского пространства, проблемы и перспективы, Таможенный союз, глобализация.

Развитие социальных и политических процессов на огромном евразийском пространстве сегодня привлекает внимание многих ученых, политиков, экономистов. Произошедшие в последнее десятилетие прошлого века изменения затронули основополагающие принципы и системообразующие элементы мировой политической системы, став отражением долгосрочных тенденций ее эволюции. Распад СССР вызвал множество разнообразных процессов и явлений, последствия которых будут сказываться еще не одно десятилетие. Он сопровождался осознанием ошибочности большинства убеждений, которыми руководствовало общество на протяжении нескольких десятилетий, определяя стратегию своего развития и создавая институты для достижения поставленных целей. К настоящему моменту накоплен достаточно большой объем разносторонних исследований по проблемам, связанным с динамикой и направлениями развития мировой экономики и международных отношений. Их содержание свидетельствует: взгляды на то, что в конечном итоге будет представлять собой новое политическое устройство мира, чрезвычайно противоречивы. При этом большинство исследователей, говоря о причинах перемен, относят к их числу комплекс процессов, обозначаемых как «глобализация». В большинстве случаев глобализацию рассматривают как развитие социальных, экономических, политических, культурных коммуникаций, приобретающих в конечном итоге всемирный масштаб и значимость. В основе глобализации лежат процессы в сфере экономики и финансов, которые имеют

The article considers points of view expressed by various scholars on problems and perspectives of forming united political and economic Eurasian space. The author emphasizes the role played by Russia and Kazakhstan in this process, defines problems and prospects of the Customs Union as the application of Eurasian states integration. There are the examples of evaluations estimated by researchers and practitioners of the Eurasian community.

Key words: forming of the Eurasian space, Customs Union, problems and perspectives, globalization.

значение фундамента для глобальной политической и культурной «надстройки». Это дает основание полагать, что практически ни одна сфера человеческой деятельности не избежит той или иной степени ее влияния. Все более очевидно утверждение экономического фактора в качестве главного ресурса политики, в связи с чем некоторые из исследователей предлагают заменить понятие «международная экономика» понятием «мировая политическая экономика» [1, с. 86].

На первом заседании евразийской экспертной сети «20 лет постсоветскому пространству: итоги и перспективы», проходившем в Астане 11 января 2011 г., А. Медведев, исполнительный директор АНО «Центр политических технологий “ПолитКонтакт”», заявил: «Актуальность проблемы региональной интеграции, начиная с начала 90-х годов прошлого века, имела и продолжает иметь под собой объективные географические, экологические, экономические, политические, историко-культурные факторы» [2].

Последняя четверть XX столетия совпала с кардинальными политическими изменениями на мировой арене, которые проявились практически во всем. Это и третья волна демократизации, и дальнейшее развитие интеграционных процессов в Западной Европе, и дезинтеграция мировой системы социализма, проходящая весьма болезненно через конфликты и кризисы, которые поразили ряд бывших социалистических стран. Как утверждает французский автор Мишель Фуше, европейский территориальный ансамбль состоит «более чем из пятидесяти старых или позже возникших государств и около шестидесяти наций или

этнолингвистических единиц, имеющих склонность или стремящихся к оформлению в нацию» [3, с. 62]. Распад СССР привел к возникновению своеобразной неопределённости, уменьшение которой было возможно либо путём увеличения знания в рамках существующего институционального каркаса, либо только при помощи его изменения [4, с. 32]. Выбор того или другого варианта во многом оказался зависимым не только от объективных факторов и условий, но от готовности и способностей самих акторов осуществить исторический выбор. Особенностью современного этапа развития постсоветских государств является то обстоятельство, что такое развитие, с точки зрения политологии, можно рассматривать как часть сложных и многообразных процессов общественно-политических трансформаций, происходящих в мире в целом, с одной стороны, и в странах, в последние четверть века вставших на путь демократического развития – с другой.

Различные страны региона по-разному включены в процесс демократического транзита. В одних он протекает более, в других – менее успешно. Имеются такие государства, где такой транзит вообще не заметен. В этом смысле следует очень осторожно относиться к теориям демократического транзита применительно к странам Евразийского пространства. Как свидетельствует опыт двух десятилетий трансформации новых независимых государств постсоветского пространства, скорость осознания новой реальности и адаптация акторов к ее требованиям в разных обществах оказались существенно отличными друг от друга. Такая ситуация порождает представления о процессах социальных изменений, происходящих на постсоветском пространстве, как о своеобразной лаборатории, в которой апробируются различные экономические, социально-политические, культурно-цивилизационные модели с учётом не только внутривнутриполитических условий, но и международного контекста. Проблемы, с которыми столкнулись государства и общества этого региона, тесным образом переплетены с фундаментальными мировыми изменениями, которые в научной литературе определяются как глобализация.

Теория глобализации является одним из наиболее популярных инструментов анализа социальных процессов [5, с. 113]. Понятие «глобализация» включает в себя широкий спектр явлений и тенденций, начиная от интенсификации товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств, ослабление суверенитета национальных государств, борьбы за установление мирового порядка и кончая формированием сферы транснациональной политики, экономики и культуры, появлением и развитием транснациональных корпораций, формированием мультикультурных сообществ и т.д.

Следует отметить, что глобализация возникла не вчера и не на пустом месте. Ее появление подготов-

лено всем ходом исторического развития и по сути продолжает процесс интернационализации. Являясь доминирующей тенденцией последних десятилетий, она формирует новую эру взаимодействия между нациями, экономическими системами и людьми. Она содействует расширению контактов между людьми поверх национальных границ в экономике, политике, культуре и управлении.

В политической науке существует множество подходов и трактовок процесса глобализации. Так, многие исследователи акцентируют внимание на культурных, идеологических и информационных аспектах процесса глобализации. Одним из пионеров такого подхода является Р. Робертсон. Он датирует начало глобализации в Европе XV в. и связывает этот феномен с формированием представлений об индивидууме, нации и человечестве [6]. Отличительной чертой его концепции является трактовка глобализации как нарастания взаимозависимости и культурно-идеологической однородности мира, вполне совместимой с формированием системы национальных государств.

Профессор Парижского института политических исследований Б. Бади выделяет три измерения глобализации [7]:

1) как *исторический процесс*, развивающийся на протяжении нескольких столетий. Понимание глобализации как единого исторического процесса перехода от локальной социальной организации к новой (глобальной) акцентирует внимание на тенденции ко все большему расширению пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие и структурирование международных отношений – от отдельных поселений, городов, княжеств к государствам, регионам и, наконец, после эпохи великих географических открытий, к миру в целом. Например, Р. Робертсон полагает, что глобализация представляет собой длительный исторический процесс, а начало глобализации или формирование ее предпосылок относит к рубежу XV и XVI вв. [8, с. 15–30];

2) как *универсализацию и гомогенизацию мира*. Понимание глобализации как универсализации и гомогенизации подчеркивает растущую взаимозависимость государств и обществ, ведущую к формированию глобальной культуры и глобального сознания. Глобальная деревня – метафора, используемая в научной и популярной литературе, выражает представление о том, что все люди на Земле объединены единой судьбой. Считается, что глобальная деревня становится возможной благодаря распространению универсальных культурных образцов, развитию технологий (в первую очередь транспортных, информационных и коммуникационных), мировых торговой и финансовой систем и подобного, соединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое сообщество;

3) как *разрушение национальных границ*. Понимание глобализации как открытости (прозрачности)

границ лучше всего отражает суть нынешней стадии этого феномена. Вначале границы суверенных государств-наций оказались прозрачными в сфере экономических взаимодействий. Транснациональные корпорации в первую очередь заинтересованы в формировании благоприятных для их активности внешних и внутривостановых политических условий. Затем границы государств стали открываться для культурного и гуманитарного обмена, что привело к увеличению социальных перемещений граждан и росту туризма во всем мире. В этом плане глобализация представляет собой глобальную институционализацию жизненного мира человека, основанную на организации повседневных локальных взаимодействий с использованием новейших коммуникативных технологий и социализации индивидов непосредственным, т.е. минуя национально-государственный уровень, воздействием структур мирового порядка. Одним словом, глобализация есть объективный процесс, и общество не может ему сопротивляться, но существует большой вопрос о путях и методах её осуществления. Глобализация создает предпосылки и условия формирования нового социального и политического порядка, ослабляющего позиции национального государства и усиливающие позиции наднациональных институтов. В этом смысле глобализация требует открытости общества и государства. Но не все государства и общества исторически готовы сегодня к политике открытости и прозрачности.

Процесс глобализации несет в себе определенные угрозы не только суверенитету национального государства, но и национальной культуре, поэтому реакции на вызовы глобализации имеют далеко не однотипный характер. Наряду с сознательным выбором включенности в процессы глобализации имеет место и тенденция минимизировать зависимость общества и государства от глобализации с целью сохранения, например, самобытности культуры или национального суверенитета. Но основной тенденцией современности все же является усиление интеграционных процессов. Современная мировая экономика, будучи глобальной по своей природе, всё более развивается в направлении усиления интеграционных процессов и на мировом, и на региональном (субрегиональном) уровнях [9]. Все страны мира – как традиционно интегрирующиеся, так и вновь включающиеся в эти процессы – стремятся посредством взаимодействия с партнерами в рамках региональных интеграционных объединений более полно реализовать свои экономические интересы, расширить сферы влияния, сформировать новые возможности.

Исследование социально-экономических процессов в мировой экономике в последней четверти XX и в начале XXI в. однозначно показывает следующее. Страны, более активно втягивавшиеся в интеграционные процессы на субрегиональном и межрегиональном

уровнях, сотрудничавшие не только в рамках одного блока, но и с другими интеграционными объединениями как субъектами мирохозяйственных связей, сформировали более значительные возможности для устойчивого развития национальных экономических систем. Новые реалии глобализирующегося мира заставляют по-новому оценить значение интеграции на постсоветском или, думается, уже можно сказать, на евразийском пространстве. В условиях, когда система международных отношений пребывает в состоянии поиска нового равновесия, а общий баланс сил в мире характеризуется преобладанием одного полюса в лице США и НАТО, навязанные стереотипы и эйфория первых лет после окончания «холодной войны» у многих сменились тревогой за собственное будущее. В современном мире не только сохранились традиционные угрозы национальной безопасности, связанные главным образом с вооруженными международными конфликтами, но и добавились новые, к числу которых относят международный терроризм, распространение наркоторговли, экологические угрозы. Сохранение национальной идентичности и право на самостоятельную внешнюю политику остаются одной из важнейших задач, стоящих перед государствами, расположенными на евразийском пространстве. Важной составляющей ее решения является укрепление сотрудничества и интеграции государств евразийского пространства. Но не все государства этого региона в равной мере заинтересованы в развитии интеграционных процессов. В некоторых государствах Центральной Азии получили развитие процессы, вступающие в противоречия с требованиями глобализации. Напомним, что под государствами Центральной Азии подразумеваются Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркменистан (Туркмения).

Следует учесть тот факт, что Центральная Азия представляет собой крупнейший после России блок постсоветского пространства. Он занимает связующее положение между западной и восточной частями Евразии и промежуточное — между развитым Севером и развивающимся Югом. Это также один из богатейших регионов мира по запасам минерального сырья. Пространственное положение и ресурсные богатства делают Центральную Азию важным театром мировой политической игры. Чтобы лучше понять суть проблемы, кратко остановимся на тех процессах, которые, по нашему мнению, объективно вступают в конфликт с процессом глобализации. С этой целью воспользуемся схемой анализа процессов модернизации в Центральной Азии, предложенной М. Чешковым [10]. Он рассматривает процессы модернизации государств Центральной Азии в постсоветский период сквозь призму трех возможных траекторий развития, а именно: традиционализации, периферизации, глобализации.

Процесс традиционализации означает возвращение или возрождение досоветских историко-культурных традиций. Периферизация понимается как включение в мировое разделение труда в роли источника сырья, зависимость от мирового рынка и особенно от иностранного капитала, а глобализация – как втягивание в структуры глобальной общности человечества. Нынешняя трансформация постсоветской Центральной Азии разворачивается таким образом, что этот регион как бы погружается одновременно и в три различных пространства (условно – Восток, Юг, Мир) и в три различных времени (прошлое, настоящее, будущее). Представляется, что в реальности центрально-азиатский регион существует в более объемном пространстве: Восток, Запад, Север, Юг (как это имело место в прошлом) и одновременно во временном континууме.

Оживление, реанимация традиций (до имперско-российских и советских) прослеживается по целому ряду параметров – от государственности и национальной идентичности, культуры и религии до различного рода партикуляризов (этнических, родовых, территориальных). Процесс возрождения традиций имеет по меньшей мере два исторических смысла: во-первых, возвращение в прошлое как движение вспять или, во-вторых, как возрождение прошлого, но в порядке восходящего, а не попятного движения. Оба смысла данного возрождения традиций в разной мере структурируют трансформационные процессы. Возрождение традиций государственности, национальной и культурной идентичности и глубже – этнокультурного архетипа выглядит как углубляющее движение, позитивно сказывающееся на процессах трансформации; возрождение религиозное содержит в себе как возврат в прошлое, так и момент возрождения, необходимый для хода трансформации, а поэтому возрождение религии (в том числе в виде фундаментализма) выглядит амбивалентным явлением. В этом плане процессы традиционализации, с одной стороны, и трансформации – с другой, не выглядят взаимоисключающими. Они вполне совместимы, и возрождение досоветской и дороссийско-имперской традиций генерирует различные варианты нынешних трансформаций, создавая помехи для неё лишь в исключительных случаях. Традиционализацию в этом смысле нельзя полностью отождествлять с демодернизацией хотя бы потому, что она отчасти разрушает советскую квазимодернизацию и тем самым формирует «свою» версию модернизаций; но, с другой стороны, нельзя отрицать и того факта, что в отдельных случаях традиционализация ведет к «нарастанию отсталости», поскольку связана с сокращением экономической активности и оттоком русскоязычного населения из Центральной Азии. Процессы традиционализации имеют место в Таджикистане, Туркменистане и Киргизии.

Периферизация региона изначально связана с относительно низким уровнем его социально-экономического развития, падение которого было усилено распадом СССР. Она представляет собой определённое препятствие, которое надо преодолеть в процессе трансформации. Сохранение в течение длительного времени региона в качестве источника сырьевых ресурсов (собственно периферизация) будет только поддерживать отсталость, создавая новые источники социальной напряженности и политического экстремизма. В то же время при определенных условиях и умелой государственной политике сырьевая ориентация экономики может служить средством развития и преобразования. Это приведет к усилению зависимости национального государства от транснационального капитала как основного источника развития, но одновременно окажет позитивное воздействие на процессы трансформации. Периферизация свойственна Киргизии и Узбекистану.

Глобализация означает интеграцию государств Центральной Азии в глобальную экономику, политику и культуру, институционализацию жизненного мира человека. Глобализация, несомненно, ускорит процессы трансформации, но одновременно окажет очень сильное влияние на систему властных отношений и национальную культуру. Глобализация может стать важнейшим источником развития региона, тем более, что такие государства, как Китай и Россия, уже активно включены в нее.

Среди пятёрки государств Центральной Азии только Казахстан придерживается политики глобализации, инициируя процессы региональной интеграции, наряду с Россией и Китаем. В марте 1994 г. президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова впервые выдвинул идею о создании Евразийского союза. К проявлениям такой политики следует отнести образование ЕврАзЭС, БРИК, ШОС; а в последнее время – Таможенного союза, который можно рассматривать как проявление прикладной интеграции. Этот союз демонстрирует дальнейшее развитие процесса создания единого евразийского экономического пространства с общим рынком товаров, капиталов, рабочей силы и услуг [11]. Нельзя уходить от понимания того, что процессы, которые определяют новейшие контуры геополитических отношений на евразийском пространстве, связываются с перестройкой всей системы международных отношений – переходом от однополярной геополитической среды к многополярным мировым отношениям.

Если традиционализация и глобализация представляют собой результат сознательного выбора политических акторов, то периферизация есть следствие детерминированности социальных процессов. Традиционализация с ориентацией на прошлое и глобализация с ориентацией на будущее требуют

политической воли. В этом данные процессы похожи друг на друга. Но если традиционализация не предполагает включения масс в социальные преобразования, то глобализация, напротив, не имеет смысла, если граждане лишены права на гражданскую и политическую активность. В этом плане процесс глобализации тесным образом переплетается с демократизацией, но не тождествен ей. В отличие от традиционализации и глобализации, периферизация ограничивает свободу выбора социальных агентов, оставляя за ними право на выбор того или иного варианта модернизации или модели развития в рамках траектории периферийного развития. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в интеграции евразийского пространства реально заинтересованы только Россия и Казахстан. Остальные государства либо находятся в состоянии выбора приоритетов национального развития, либо уже идут по пути традиционализации или периферизации.

В современных условиях интеграция евразийского пространства как для России, так и для Казахстана является приоритетной внешнеполитической задачей. Можно сказать, что оба государства способны сыграть в этом процессе ведущую роль. Для обеих стран развитие интеграционных процессов означает прежде всего стратегическое решение проблемы национальной безопасности. С точки зрения стратегических интересов, практическая реализация идеологии евразийства способна усилить центристские тенденции как в политическом, так и в экономическом планах. Политика активизации разносторонних контактов, в первую очередь со странами «ближнего зарубежья», опирающаяся на мощный фундамент взаимной заинтересованности, способная привести к формированию системы экономических, культурных, информационных, политических коммуникаций, оказала бы благоприятное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию как в России, так и в других государствах СНГ. Она стала бы реальным препятствием на пути развития центробежных тенденций, проникновения исламского фундаментализма и американизма в Центральную Азию.

Кроме того, в рамках интеграции евразийского пространства могут быть сформированы действенные модели межэтнического и межкультурного диалога, разрешения конфликтов на этой почве. Интеграция в тех или иных формах, очевидно, приведёт к выработке новых, более устойчивых моделей экономического и политического развития. В рамках реализации евразийского проекта возможно не только восстановление разрушенных экономических связей, но и выход на новые уровни экономической кооперации, что неизбежно даст позитивные результаты с точки зрения развития национальных экономик. В этой связи можно только приветствовать создание Евразийского экономического сообщества и надеяться, что на этом институциональное оформление

экономического сотрудничества на постсоветском пространстве не закончится.

Сама по себе постановка вопроса об интеграции на постсоветском пространстве (а в перспективе и за его пределами), обращение к евразийским ценностям сохранения уникальности и многообразия, «цветущей сложности» европейских и азиатских культур свидетельствует о признании за каждым государством права своего собственного пути в истории. Важным аспектом евразийской идеологии является укрепление государства. Сильное государство, как показывает история, является обязательным условием выживания и развития всего российского общества. Оно является также неотъемлемым условием создания объективных предпосылок для самостоятельной политики, в том числе и в сфере сохранения национальной культуры, традиций и ценностей [12].

Объективно новая интеграция на постсоветском пространстве необходима и потенциально полезна. Для того, чтобы лучше понимать современную реальность, стоит немного внимательнее присмотреться к политике и мотивации правящих элит наиболее крупных и значимых игроков на постсоветском пространстве. Многим экспертам в качестве самой оптимальной модели возможной постсоветской реинтеграции представляется союз России, Украины, Белоруссии и Казахстана [13]. Попробуем на примере этих стран рассмотреть перспективы интеграционных процессов.

Интенсивность и эффективность развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве вызывает противоречивые мнения. С одной стороны, наличие общих границ, общих угроз, общая история, общее геополитическое положение, общая экономика и культура стран и народов на постсоветском пространстве объективно должны способствовать интеграционным процессам. С другой стороны, национальные элиты государств, образовавшихся на этой территории, ищут новые варианты исторического и политического развития, ориентированные либо на Европу и США, либо на Китай или Турцию. Это создает дополнительную напряжённость в процессах интеграции, поскольку требует учета разнообразных интересов всех участников интеграционных процессов. Следствием является то, что на постсоветском пространстве созданы и функционируют институты интеграции разного уровня: начиная от СНГ, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и кончая Единым экономическим пространством (ЕЭП) и Таможенным союзом (ТС). Множество однородных интеграционных образований во многом дублируют друг друга, имеют одни и те же основные задачи и функции. В СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, ШОС участвуют, за определенным изменением состава, одни и те же страны, их лидеры и чиновники. Одни и те же вопросы можно обсудить и решить в формате практически любой структуры. Эта ситуация негативным образом

сказывается на эффективности интеграционных процессов и требует скорейшего политического решения.

Одним из первых образований на постсоветском пространстве стало Содружество Независимых Государств (СНГ). Оно образовалось в 1991 г. Идеология, структуры, институты и практика деятельности Содружества действительно обеспечили то, что распад СССР не пошел по югославскому сценарию, а многочисленные межнациональные конфликты на территории СНГ удалось в основном приглушить уже в течение первых двух-трех лет его существования. Но, не допустив превращения процесса распада крупнейшей ядерной державы мира в кровавый хаос, СНГ не смогло стать действенным механизмом реинтеграции бывших союзных республик на новой основе. Именно поэтому президент Казахстана Нурсултан Назарбаев еще в 1994 г. выступил с инициативой создания Евразийского союза. В основу его предполагалось положить примат общих интересов постсоветских государств над их частными интересами. Идея создания упомянутого интеграционного объединения, как известно, претерпевала многие метаморфозы – от «интеграционной четверки» через Таможенный союз к созданному осенью 1999 г. Евразийскому экономическому сообществу. Казалось бы, удалось создать организацию, которая может послужить основой евразийской интеграции. Но проблема заключается в том, что организационная структура сообщества и правовые механизмы евразийской интеграции сформулированы в учредительных документах ЕврАзЭС в крайне общей форме [14, с. 21]. Напомним, что Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества был подписан 10 октября 2000 г. в Астане президентами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. Изначально ЕврАзЭС представлял собой международную экономическую организацию, наделенную функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка. К настоящему времени в рамках ЕврАзЭС создан Таможенный союз, в который вошли Россия, Казахстан, теперь Белоруссия. Таможенный союз начал функционировать де-юре с 1 января 2010 г., когда был введен единый таможенный тариф. Экономический смысл интеграции в рамках Таможенного союза состоит в объединении национальных экономик в один воспроизводственный комплекс. Он предполагает не только устранение межгосударственных таможенных и прочих барьеров, но и согласование между заинтересованными странами конечных целей социально-экономического развития и выработку согласованных направлений структурной, инновационной, внешнеэкономической и социальной политики.

Создание Таможенного союза вновь продемонстрировало всю сложность и противоречивость процессов интеграции. В время подготовки проекта ТС из него по различным причинам вышли Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Это является еще одним свидетельством того, что для осуществления интеграционных процессов необходима экономическая и политическая стабильность, а также политическая воля правящей элиты. Но позиции национальных элит постсоветских государств часто носят конъюнктурный характер. В погоне за сиюминутной экономической выгодой элиты порой забывают о стратегических интересах общества и государства.

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что в постсоветской элите приобрел тотальный характер примитивный экономизм в оценке любых процессов, а через СМИ он зачастую навязывается и обычным гражданам. Суть его сводится к четырем простейшим принципам:

- деньги решают все, любые проблемы; за деньги можно купить все, включая политическую лояльность;
- правильно и нужно то, что приносит быстрые и большие деньги;
- личный (в лучшем случае групповой) корыстный интерес важнее всего; всё остальное – «лирика», удел слабых и глупых;
- конъюнктура по факту важнее стратегии, так как стратегия может не принести конкретным представителям элиты ощутимых дивидендов при жизни (в лучшем случае перспектива измеряется жизнью собственных детей, в худшем – сроком пребывания в должности) [13].

То, что подобный подход не является ни государственным, ни ответственным, в расчёт не принимается. Дело усугубляется повсеместными личными связями политиков с бизнесом и их прямой заинтересованностью в росте доходов тех или иных компаний. В этой логике никакая интеграция не может стать приоритетом внешней политики, даже если для этого имеются некоторые экономические основания. Интеграция предполагает в отдельных случаях необходимость поступиться собственными интересами ради общей цели, которая выше (и в перспективе выгоднее) сиюминутной прибыли. «Рыночное» мышление нынешних постсоветских элит подобный подход отторгает. Исключение делается в самых крайних случаях наличия прямой угрозы доходам, карьере, статусу, здоровью или жизни конкретных представителей элиты. Деструктивное влияние подобного мировоззрения на интеграционные процессы очевидно. Радикальное изменение положения дел в ближайшее время представляется очень проблематичным.

Нельзя сбрасывать со счета и такой мощный фактор, как двойственное влияние Запада на процессы интеграции. Как справедливо подчеркивал в свое время ведущий научный сотрудник Центра внешне-

экономических исследований РАН Ю.Ф. Годин, страны Запада, с одной стороны, «показывают всему мировому сообществу, что в интеграции, в межгосударственном соединении жить лучше, чем без интеграции. Но, с другой стороны, именно Запад оказывает сильное дезинтеграционное воздействие, которое связано прежде всего с политикой определенных правительств и промышленно-финансовых кругов. Такая политика проводится в русле геоэкономической и геополитической стратегии западных стран по дальнейшей дезинтеграции постсоветского пространства» [15]. В этой связи некоторые политологи ставят сегодня под сомнение саму возможность интеграции Евразийского пространства. Так, по мнению американского политолога Н. Злобина, «ни одна страна на постсоветском пространстве в силу разных причин так и не осуществила модернизацию своей национальной экономики даже в период относительного финансового благополучия и политической стабильности. Сегодня осуществить такую модернизацию им уже невозможно. Это означает, что в посткризисном мире Евразия еще в большей степени, чем до этого, может приблизиться по своим характеристикам к неконкурентоспособным и депрессивным регионам мира, развитие которых в решающей степени зависит от состояния экономики, технологии и политических процессов, находящихся вне их влияния» [16]. По его мнению, «евразийский региональный интеграционный проект, стартовавший после распада СССР, окончился неудачей. Рассматривать Евразию как целостный регион – субъект мировой политики и экономики – не представляется более возможным. Она скорее их объект» [16]. Мы не разделяем пессимизм американского ученого, но в то же время согласны с ним в том, что за предшествующий период можно было сделать гораздо больше в плане институционализации процессов интеграции, не давая тем самым повода усомниться в реальности превращения Евразии в целостный и сплоченный субъект мировой политики и экономики. Нерешенные в прошлом задачи ложатся дополнительным грузом на плечи нынешнего поколения политиков. Хочется надеяться, что ошибки прошедших лет научат нынешних политиков вовремя принимать важные решения. Во многих странах Евразии к власти приходят новые поколения политиков, обладающие новым видением реальности и свободные от стереотипов прошлого.

Резюмируя, можно сказать, что позитивные тенденции евразийской интеграции, конечно, имеются. Определенный прогресс в начале XXI в., в сравнении с 90-ми гг. XX в., очевиден. Формирование евразийского интеграционного пространства в текущей перспективе может оказаться вполне эффективным способом защиты и приспособления каждой из этих стран к современному глобальному устройству мировой экономики. Но время идет гораздо быстрее, чем этот прогресс, с каждым годом уменьшая шансы на пол-

ноценную интеграцию. Мировой кризис показал, что либеральная глобализация сменяется так называемой локализацией. Страны начинают формировать вокруг себя свои экономические пространства, стремятся создать региональные зоны устойчивости. В условиях кризиса каждый выживает, как может. Ответственный секретарь Комиссии Таможенного союза С. Глазьев, например, считает создание союза трех государств «ответом мировому кризису» [11]. Союз дает этим странам возможность обеспечить в своем регионе экономическую стабильность, создать условия для экономического роста, устранить имеющиеся барьеры в торговле, выработать общую стратегию развития, которая опиралась бы на внутренние источники, а деловым кругам ставит цель наращивания своей конкурентоспособности не только в рамках экономического пространства, но и на мировом рынке. Ряд исследователей ведут речь о формировании евразийского интеграционного пространства на базе России, КНР, Индии [17].

Территориальная близость этих стран, огромные масштабы и накопленный экономический потенциал (совокупный ВВП трех стран превышает 15% мирового ВВП), близость экономических и политических интересов – все это определяет реальную востребованность такой идеи. Конечно, в ее достижении встретится множество объективных и субъективных препятствий, очень многое будет зависеть от политических ориентаций правящих элит этих стран. Тем не менее такой вариант развития интеграционного сотрудничества с Россией заслуживает поддержки, особенно если иметь в виду развитие сотрудничества с указанными странами в столь перспективных направлениях, как аэрокосмическая отрасль и телекоммуникации, электроника и программное обеспечение, которые активно ими развиваются.

Идеи евразийской интеграции имеют свою историю и пробили себе дорогу из области философских исканий в мир практической политики. В доктрине «Развитие Евразийского экономического сообщества в XXI веке» стратегическими доминантами объявлены прежде всего задачи по формированию информационного производства в рамках Сообщества и реализация концепции евразийства в сложном и противоречивом глобализующемся мире. Евразийство можно считать не просто главной российской геополитической концепцией, но геополитической традицией российского государства. Оно способно стать не только одним из векторов внешней политики нашей страны, но и частью идейного фундамента здания новой российской государственности, а также средством обеспечения национальной безопасности евразийских государств [12]. Становление единого регионального экономического пространства – длительный и сложный процесс. Основными целями евразийского интеграционного процесса считаются разработка и осуществление

единой политики в областях экономического и социального развития и борьбы с внешними угрозами; разработка и реализация Комплексной программы ускорения научно-технического прогресса в рамках СНГ; формирование единого информационного пространства и единой информационной инфраструктуры; организация единого рынка труда; развитие широкой международной кооперации в сфере образования и науки, предусматривающей организацию и международных университетов, и исследовательских центров; создание международных хозяйственных комплексов

в программной индустрии, энергетике, в том числе атомной, в энергетическом, транспортном, сельскохозяйственном машиностроении, производстве экологической техники, аэрокосмической промышленности и некоторых других отраслях производства продукции и услуг; освоение, в том числе на основе программируемого взаимодействия с Китаем, международных транспортных коридоров; программирование и развитие интенсивного взаимодействия в разных областях экономики, исследований и технологических разработок евразийских государств [18].

Библиографический список

1. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. – М., 1998.
2. Медведев А. Казахстан – единственный шанс для СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://sobiainnen.livejournal.com/24845.html>.
3. Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. – М., 1999.
4. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М., 2010.
5. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
6. Robertson R. The Relativization of Societies: Modern Religion and Globalization – In: Robbins T. Shephere W., McBried I (eds.) *Cults, Culture and the Law*. – Chicago, 1985.
7. Badie B. De la souverainete a la caparite de l'Etat // *Les nouvelles relations internationales. Pratique et theories*. Sous la direction de M.-Cl.Smouts. – Paris, 1998.
8. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // *Global Culture*. Ed. by M. Featherstone. – London, 1990.
9. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: почему не интегрируются страны СНГ. – М., 2001.
10. Чешков М. Постсоветская Центральная Азия в трех измерениях: традиционализация, периферизация, глобализация [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/journal/13-1998/st_02_cheshkov.shtml.
11. Мамытбеков Едил. Таможенный союз: прикладная интеграция [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazev.ru/sodr_evrazes/241/.
12. Вавилов А.Н. Геополитические доминанты национальной безопасности: Россия в XXI веке и евразийская интеграция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrinsstitute.ru/ea18.html>.
13. Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции. 2006 [Электронный ресурс]. URL: www.apn.kz.
14. Балытников В. В перспективе – Евразийский союз // Независимая газета. – 2002. – №1.
15. Годин Ю.Ф. Надежд на реинтеграцию становится все меньше [Электронный ресурс]. URL: cis.ng.ru.
16. Злобин Н. Евразийская интеграция. Проект завершен [Электронный ресурс]. URL: www.Centasia.ru.
17. Рязанов В.Т. Евразийское интеграционное пространство: через взаимодействие цивилизаций к поиску альтернатив современной модели глобализации [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie.ru/politvne/18_20/kniga1/article.
18. Черкасов Н.А. Доктрина развития Евразийского экономического сообщества в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipaeurasec.org>.